An illustration of two young girls walking in a snowy environment. The girl on the left is wearing a yellow beanie, a yellow scarf, and a striped coat. The girl on the right is wearing a hooded coat with a bear head on the hood and brown boots. They are walking on a snowy path with footprints. In the background, there is a building with many windows.

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Юлия Кузнецова

Фонарик Лилька

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Юлия Кузнецова
Фонарик Лилька

Издательство «Детская литература»

2014

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кузнецова Ю. Н.

Фонарик Лилька / Ю. Н. Кузнецова — Издательство «Детская литература», 2014 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005368-9

Повесть рассказывает о дружбе двух девочек – 19-летней Гали и 11-летней Лильки. Галя недавно закончила школу и после курсов бариста приехала «покорять Москву». Однажды на ее голову «сваливается» неугомонная Лилька. У девочки благополучная семья, заботливые родители, но, стараясь оградить дочь от потенциальных опасностей, они во всем ее контролируют. Это вызывает у Лильки желание убежать из дома, соврать, чтобы ее оставили в покое. Начав общаться, девочки становятся необходимы друг другу. Благодаря Гале Лильке удастся преодолеть свои страхи. Она ищет контакта с родителями, становится увереннее в себе, даже находит силы спасти подругу в, казалось бы, безвыходной ситуации. А Галя пересматривает свое отношение к окружающим, становится внимательнее к другим, мудрее. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005368-9

© Кузнецова Ю. Н., 2014
© Издательство «Детская литература», 2014

Содержание

О конкурсе	6
Фонарик Лилька	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юлия Кузнецова Фонарик Лилька

© Кузнецова Ю., 2014

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Пещанская М. А., иллюстрации, 2014

© Макет, составление. ОАО «Издательство «Детская литература», 2014

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

*Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента
средств массовой информации и рекламы города Москвы*

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей, присланных из России, ближнего и дальнего зарубежья.

Четвертый конкурс был объявлен в 2013 году, в год 100-летия классика отечественной литературы. Было прислано более 300 рукописей. Профессиональное жюри, возглавляемое известным публицистом, журналистом, писателем Генрихом Боровиком, отметило возросший качественный уровень работ и расширившуюся географию участников. Из тринадцати произведений, вошедших в шорт-лист Конкурса, лучшими были признаны повести «Степной ветер» Ирины Дегтяревой, «Херсонеситы» Татьяны Корниенко и «Ключ от города Антоновска» Михаила Карчика.

Отправить свое произведение на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные рукописи два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из двенадцати подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов.

Для иллюстрирования книг привлечены молодые талантливые художники, потому читатель имеет возможность познакомиться не только с новыми авторами, но и с современными иллюстраторами.

Фонарик Лилька

Повесть

Глава первая

Настоящий медведь

Я не так собиралась встретить этот день – не прислонившись к ледяной стене, обхватив себя руками. Закрыв глаза, я то проваливалась в сон, то просыпалась, чтобы проверить время на мобильном, – пора?

– А ты чем по жизни занимаешься? – лениво спросила одна из розововолосых, которые часа три назад «зажигали» на танцполе, а теперь мерзли вместе со мной в томительном ожидании, держась за стенку и медленно моргая слипшимися ресницами.

Отвечать не хотелось. Но я ответила. Наверное, потому, что моя профессия – мой понт. А поднять самооценку после всего, что произошло, мне было полезно. Вроде лекарства от всех болезней. Точнее, от одной.

– О-о-о! – простонала девочка-фламинго. – Как это круто! Я тоже хотела! Давно хотела! А что ты заканчивала?

На этот раз я не ответила. Мобильный показывал, что пора, и я ему поверила. Сбежала по ступенькам, перепачканным мартовской снежной кашей, в подземный переход, спугнула парочку голубей, что-то выклевывавших из грязной лужи. Всполошенные, они разлетелись в разные стороны. Так и надо всем парочкам на свете!

– Не уходи! Пожалуйста! Не уходи! – кричала мне вслед девочка-фламинго.

Я обернулась.

Она ползла за мной, держась за стенку обеими руками и даже прижимаясь щекой, будто танцуя с ней танго. Слишком много коктейлей, слишком.

Я покачала головой. Эти слова должен был пять часов назад произнести совсем другой человек.

В метро я заснула. Когда открыла глаза, двери вагона были распахнуты. Я узнала стены – черно-коричневые, ребристые, словно собранные в мелкую гармошку, – и вскочила, но двери захлопнулись, словно только и ждали, когда я проснусь. Поезд тронулся дальше, а я ухватилась за поручень и опустила глаза.

Все, кто не спал, смотрели на меня, а дядька с чемоданом, сидевший ближе других к выходу, зачем-то оглядел меня с головы до ног, потом с ног до головы. Люди любят смотреть на неудачников. Им хотелось изучить меня: что с ней не так? Почему она проспала свою станцию?

Когда в конце концов я выбралась на улицу, было почти светло и ни капельки не тепло. Я шмыгнула носом, вынула шапку из кармана куртки, натянула. Решила сократить путь, пройдя через сквер.

Подумала о времени, но не подумала о том, что скользко. Лед в сквере никто счищать не собирался: всех все устраивало, и, вместо того чтобы идти и дремать на ходу, мне пришлось двигаться черепашьям шагом, напряженно пробуя ногой каждый кусочек дороги. Пару раз поскользнулась, пару раз выругалась. А ведь могла быть совсем в другом месте!

Оглядев сквер в поисках тропинки, непохожей на каток, я заметила на скамейке парочку; на ней было зеленое пальто.

«Липатова», – узнала я.

Правда, совершенно непонятно, *что* Лариска могла делать в шесть утра в заледеневшем сквере. Ее электричка только в семь приходит на Ярославский вокзал. Но раз уж она все равно тусуется с каким-то мужиком, я могу ее отозвать в сторону всего на пару минут и излить душу. Мне нужно с кем-то разделить мою беду. Иначе я сойду с ума.

Приблизившись не без труда к скамейке, я обнаружила, что в зеленом пальто никакая не Липатова, а девчонка лет десяти – двенадцати. Она сидела и смотрела перед собой. Рядом с ней сидел дядька и смотрел на нее.

«Папа и дочка», – решила я и уже собиралась ползти по скверу дальше, как вдруг остановилась и снова посмотрела на эту странную парочку.

Ноги девочки были похожи на разогнутые скрепки, и ботинки настолько огромны, что в них поместились бы не только ноги девочки, но и немного кирпичной крошки, которую следовало бы подсыпать, чтобы хозяйку ботинок не сдуло ветром. Смешная шапка как мордочка медвежонка. Глазки, ушки. Сидит, смотрит на дорогу. И глаза медведя тоже смотрят на дорогу.

А вот дядька... Дядька был в коричневой куртке, в коричневых штанах и валенках. Я зацепилась взглядом за валенки. У нас, в Пушкине, можно было встретить в магазине какого-нибудь старикана в валенках, но в Москве, в нашем кафе... Я не видела.

Валенки не вязались с шапкой-медвежонком. И тем, *как* дядька смотрел на нее. Его взгляд мне напомнил экспонат в «Экспериментаниуме», куда меня как-то водил Серёня. Поток воздуха держит шарик. Шарик кувыркается, но на пол не падает. Взгляд дядьки держал девочку, как шарик, хотя она даже на него не смотрела.

Я взглянула на ледяную дорогу. Потом снова – на них. Девочка комкала в руках какой-то пакет. Пакет шуршал, и этот звук не давал пройти мимо.

Мне не понравилась эта парочка. Настолько не понравилась, что я решила вмешаться.

Пошарила в кармане, нашла бумажку. Осторожно шагнула к ним. Когда я подошла, девочка по-воробыиному вздернула голову и испуганно посмотрела на меня.

– Добрый день, – хрипло сказала я и протянула им бумажку, – в нашем кафе сегодня акция. Купите один кофе – второй получите бесплатно. Вот флаер.

Я протянула флаер им обоим. Никто даже не сделал попытки взять. Дядька медленно отвел глаза от девочки. А она дернулась и задышала часто-часто.

Дядька теперь уставился на меня. У него были толстые губы, толстые щеки, и веки тоже были какими-то толстыми, а глаза странные, бутылочного цвета, как будто ничего не выражающие. Но у меня внутри застучало-заколотилось. Казалось, что смотрит, смотрит, а потом – как укусит за куртку! А девочка все дышала-дышала-дышала и даже головой дергала в такт дыханию. Я набрала воздуха, как перед прыжком в воду, и затараторила, обращаясь к девочке:

– Слушай! Ты такая красивая! А тебе никто не предлагал в рекламе сняться? Я работаю в одном агентстве. Нам как раз нужны девочки, чтобы зубную пасту рекламировать.

Я несла эту чушь, а про себя молила: «Ну скажи, мужик, скажи: «Отвалите, барышня, от моей дочери со своими идиотскими предложениями!» А лучше пусть она спросит: «Пап! Можно?» Она спросит, а я признаюсь с облегчением, что наврала, и пойду домой. Медленно, но спокойно.

Девочка молчала. И он тоже. Только смотрел на меня своими странными глазами.

– Давай? Пойдем со мной? – весело сказала я девочке. – Заодно к твоим родителям зайдем, спросим разрешения.

Дядька вдруг оглянулся. Так, как воры в фильмах оглядываются, прежде чем в квартиру войти.

«Нож достанет!» – психанула я.

Сделала один ватный шаг, схватила девочку за плечо и подняла ее.

Девочка застыла и зажмурилась. И я испугалась, что она сейчас грохнется в обморок, потом опустила глаза и увидела, что этот боров держит ее за руку. За запястье. У нее часы были на запястье. Красный резиновый ремешок виднелся под его толстыми пальцами. А другая рука борова была в кармане.

Кричать в пустом ледяном сквере было жутко да и бесполезно, но я решилась:

– Полиция! – И погромче: – Помогите!

Ухмылка. По мне пронеслась волна мурашек: у него не было двух передних зубов, и улыбался он, по-звериному растягивая толстые губы. Он вытащил вторую руку, пустую, и потянулся ко мне. Но тут мы оба повернули головы к метро: оттуда вышла тетка, за ней – двое парней в синих спортивных куртках.

Он разжал пальцы, а я дернула девочку за плечо, увлекая за собой к магазину, к аптеке, к людям. Она топала по ледяной дороге, и ноги у нее разъезжались, как у только что родившегося Бэмби.

Глава вторая

Лиля

Так мы и ползли по скользкой дороге, как мухи по стеклу. Я впереди – она за мной. Я не оборачивалась, да и девчонка сосредоточилась только на своих ногах. Навстречу нам шли люди, и образ получеловека-полумедведя переставал пугать, растворялся в первых солнечных лучах. Я даже зевнула и на секунду забыла о своей спутнице, но потом снова вспомнила и спросила, когда мы добрались до светофора:

– Ну и чего?

Она вскинула на меня глаза. Серьезные, светло-голубые, а ресницы темные, как накрашенные.

– Что – чего? – тихо спросила она.

И я увидела у нее на верхних зубах пластинку. Из-за нее она слегка шепелявила.

– Чего ты со мной идешь? – спросила я. – Ты правда думаешь, что мы идем рекламировать зубную пасту?

Она покачала головой.

– Нет... Я поняла, что вы... так сказали... чтобы он там остался...

– Хорошо, что поняла, – подбодрила я ее. – Значит, крыша у тебя на месте.

Я думала ее рассмешить, но она неожиданно нахмурилась и отвернулась. Из-под шапки торчала светлая коса.

– А кто это был? – любопытствовала я.

– Не знаю... Он просто сказал: «Сядь сюда». Ну я испугалась и села с ним.

– Чего испугалась? – не поняла я.

– Ну, что он рассердится, если не сяду.

– И что?

– Ну, кричать на меня начнет. Ругать, – добавила она шепотом, по-прежнему глядя в сторону.

– Ругать?... – повторила я. – Все-таки с крышей у тебя нелады. Протекает. Ладно. Все хорошо, что хорошо кончается. Иди домой. Тебя, наверное, мама ждет.

Тут она посмотрела на меня и помотала головой.

– Почему? – нахмурилась я, глянув на светофор.

До зеленого оставалось двадцать секунд. Потом мне останется перейти дорогу и войти в подъезд моего дома.

– Я не могу туда.

– Почему?! А-а! Ты из дома сбежала?

Она кивнула.

– Ну ты даешь! – восхищенно сказала я. – У меня никогда не получалось дальше подъезда уйти. Только скажу: «Всё, из дома ухожу!» – мать сразу за мной бежит и извиняется.

Ее лицо скривилось, будто ей сказали какую-то гадость. Странная девочка, что и говорить.

– Короче, иди домой спокойно, – серьезно сказала я. – Они там наверняка уже с ума посходили и вполне готовы простить тебе все. Ты из-за чего сбежала? Из-за двойки? Или тебя бьют дома?

– Как – бьют? – испугалась она.

– О, крыша не только протекает, из нее еще и песок сыплется! – усмехнулась я.

– Нет, я знаю, как бить можно, – торопливо прибавила она. – Но кто? Кто меня бить может? У меня только мама с папой. Никаких злых теток, никого...

– А почему ты сбежала из дома?

Она молчала. Загорелся зеленый.

– Ну пока, что ли...

– Подождите!

Она вдруг вцепилась в мой рукав.

– Зеленый! – сердито сказала я.

– Не могу, не могу домой! Дома на меня стены наезжают.

– Чего? – опешила я. И подумала: «Она, может, с приветом?»

– Вы только не думайте, что я сумасшедшая, пожалуйста, – торопливо прибавила она, шепелявя еще сильнее. – У меня нормальная крыша.

– Да? Только стены ходят?

– Вы издеваетесь!

– А что мне еще делать? Тебя спасли от какого-то уroda, а ты, вместо того чтобы поблагодарить и бежать к мамуле, держишь меня возле светофора, как собаку на привязи, и несешь пургу про ходячие стены?!

Загорелся красный, машины тронулись.

– Ну спасибо, – пробормотала я, провожая глазами какой-то грохочущий драндулет. – Надеюсь, тебе тоже на работу через несколько часов и ты тоже не выспишься.

Она не отвечала. Я повернулась: она размазывала слезы по щекам.

– Ну елки! – вырвалось у меня. – Ну почему просто нельзя сделать доброе дело и пойти домой? Сделал добро – и тебе сразу на хвост связку консервных банок привязывают. Беги, мол, греми на здоровье!

– На какой хвост? – фыркнула она, шмыгнув носом.
– На собачий. Не реви на холоде: щеки обморозишь.
– Мама так же говорит...
– «Мама»... А где она, кстати?
– Дома... Спит.
– Это ты думаешь, что спит. На самом деле – волнуется. Давай-ка вот что... Как тебя зовут?

– Лиля. А вас?

– Не важно.

– Вы не скажете? – удивилась Лилия.

– Я не люблю свое имя.

– Почему?

– Если твое имя по-латински означало бы «курица», ты бы его тоже не любила. Короче, давай я тебя до дома провожу, а ты про свои «стены» уже маме расскажешь. Это как бы ее проблемы, понимаешь? У меня своих вагон... Я тебе верю, верю, – добавила я, увидев, что Лилия снова «набухает». – Просто эти задачки должны твои родители решать. Понимаешь? Где ты живешь?

Она показала на дом через дорогу. На мой дом.

– А-а, так мы соседи! – сказала я, довольная, что не нужно идти провожать далеко.

Это было ошибкой.

– Пожалуйста, можно сейчас к вам? – затараторила она. – Очень вас прошу! Не могу пока домой. Мне очень нужно куда-нибудь еще, пожалуйста, очень, очень прошу! Мне ненадолго, просто очень нужно, пока... ну...

– Ты ненормальная! Ну ты соображаешь вообще? Ты даже имени моего не знаешь! Может, тебя просто хитро домой заманивают. Может, зайдешь ко мне, я на тебя наброшусь, и... не знаю! Съем твое сердце!

– Вы не заманиваете! Сама прошусь! – горячо сказала Лилия, подышала на ладони и потерла их, согревая.

– Какой-то конец света! – закатила я глаза. – Дружок, мне хочется есть и спать, а лучше просто спать. Мне на работу через шесть часов, на очень непростую работу – до вечера на ногах. А домой тебя не приглашу. Потому что твои родители не знают, где ты. Возможно, ищут тебя. Возможно, уже в «Фейсбуке» разместили твое фото в красной рамке: «Разыскивается девочка...» А ты хочешь пойти ко мне домой. Чтобы меня в похищении обвинили?

– Давайте позвоню маме и спрошу разрешения? – с готовностью спросила Лилия.

– Давай. – Я ухватила за эту мысль, уверенная, что ни одна мать в мире не разрешит ребенку, который в шесть утра вышел из дома, «зайти к незнакомой тетеньке на пару минут».

Надо будет обязательно уточнить, что предложение «зайти на пару минут» не принадлежит «тетеньке», то есть мне.

– Только у меня мобильного нет... Я не взяла. Специально. Чтобы не определили, где я.

Оказалось, что у меня мобильного тоже нет. Да, есть красивый, новый, подарок Серёни на Новый год (странно, что сегодня ночью я не разбила его в гневе о кафельную стену клубного туалета, когда заперлась в кабинке и рыдала, освещаемая неоновым светом). Только он разрядился.

– Нет, дружище, – решительно сказала я. – Мы ко мне не пойдем. Мне хватает неприятностей. Сейчас провожу тебя до подъезда, и ты пойдешь к себе домой.

– А в подъезд тоже проводите? – спросила Лилия.

– Да.

– Хорошо. А то не люблю одна в подъезд заходить.

– Я тоже.

– Что?

– Ничего! Пошли – зеленый!

Я ступила на белую полосу перехода, а за мной волочился «хвост из консервных банок» и спрашивал:

– А вы мне так никогда и не скажете, как вас зовут? Или все-таки скажете? А когда?

Глава третья

Моя «берлога»

В подъезде, который оказался у нас один на двоих, меня ждал сюрприз: желудок не свернулся в трубочку, в ушах не застучало, как бывало всегда, когда тяжелая железная дверь бабахала за моей спиной и я замирала, прислушиваясь, – есть ли кто возле лифта, есть ли кто в лифте? Если есть, то пойду по лестнице, но вдруг кто-то есть на лестнице?

Я не врал Лиле: я и правда не люблю подъезды. Так что сейчас испытала даже что-то вроде благодарности. Лилька, конечно, была худенькая, как из веревочек, и ждать от нее, что она выхватит из-за пояса фракийский кривой меч и зарубит воображаемого врага, не приходилось. Но все равно: ничего не свернулось и нигде не застучало.

«Однако это не повод позволять ей садиться мне на шею», – напомнила я себе.

Шагнув в лифт, она быстро стащила варежку и протянула руку к кнопке лифта, наверное стараясь опередить меня.

– У меня – последний, – зевнув, произнесла я.

– У меня тоже последний, – сказала она и все-таки опередила меня, нажав.

Я пожала плечами: к себе я возвращалась только поспать и поесть, поэтому соседей не разглядывала. Тем более детей.

Лиля тем временем гладила тонкими покрасневшими пальцами кнопки лифта. Нам недавно поменяли, поставили на место старых – с точечками, шрифтом Брайля.

Мы вышли из лифта, я нащупала в кармане ключ. Лиля двинулась наверх.

– Эй, – сказала я, – ты далеко собралась? Там чердак, по-моему.

– Ага, – откликнулась она, не оборачиваясь.

– И дверь.

– Я знаю, спасибо, – мягко сказала она, добравшись до зеленой решетки, покрытой пылью и обрывками каких-то бумажек. – Просто если вот тут нажать, она открывается...

– А там что?

– Там небольшая комната. Ну такая, как кладовка.

– Грязная?

– Грязная, – согласилась она. – Там еще мусор всякий валяется.

– Зачем тебе туда?

– Там можно отосидеться... – вздохнула она. – Мне надо недолго, всего полчаса.

– Ффу ты, – в сердцах сказала я, – ладно! Всё! Спускайся.

Она развернулась и сбежала ко мне. Все лицо, даже ямочки на щеках, сияли.

– Правда? Правда? Я ненадолго. Я только позвоню маме, чтобы не волновалась, и немножко посижу. Спасибо вам большое!

Я молча отперла дверь.

У меня уже склеивались глаза, и мучительная мысль, что все теперь кончилось и надо привыкать к тому, что Серёня не поедет со мной к маме в Пушкино в субботу, не давала мне покоя, поэтому Лиля вызывала раздражение.

– Давай только быстрее, – предупредила я, распахивая дверь квартиры, которую никогда не называю своей. – И потише в коридоре: баба Клава спит.

Квартирную хозяйку звали как-то по-другому, но в глаза я ее называла просто «вы», а за глаза – «бабой Клавой», потому что это имя подходило к ее цветастому халату, перевязанному тонким поясом, и черным войлочным ботинкам-прощайкам, в которых она ходила за молоком в «Пятерочку».

Молока покупала много – делала из него домашний творог и продавала у входа в ту же «Пятерочку». Подвирала, конечно, что «молоко от коровушки». Но я ее не осуждала, находя ситуацию смешной: люди выходят из «Пятерки» и покупают творог, по сути, тоже из «Пятерки», а ни от какой ни от «коровушки», только на улице.

«Ну и дураки, – думала я, – ведутся на вранье».

Сама я прибегала ко вранью только в самых крайних случаях, таких, как сегодняшний. Предпочитаю правду. Хотя сегодня ночью мне следовало промолчать.

«Лучше бы ничего и не спрашивала у Серёни», – мрачно подумала я, разматывая на шее шарф и укладывая его на тумбочку в прихожей, а сверху – ключи. На мягкое – чтобы не звенели. Не хватало еще разбудить бабу Клаву.

– Правая дверь! – еле успела сказать я Лиле, которая чуть не познакомилась с храпящей хозяйкой.

– Вау!

– Да потише ты!

– Вау! – прибавила она шепотом. – Какая комната красивая!

Я пихнула ее в спину, чтобы не стояла на проходе, и прикрыла дверь. Лиля потянула носом.

«Чувствует запах кофе», – поняла я.

Но она ничего не стала спрашивать, а я не стала объяснять. На кой мне ее новый восторг? Я и так-то не знаю, как от нее избавиться.

– Как у вас красиво, просто невероятно! – повторила Лиля, вертя головой во все стороны.

– Угу, Версаль, – буркнула я, швыряя сумку на кровать.

Глянула на комп – проверить бы сейчас, не ли сообщений от Серёни, но не при ней же.

– Ты давай не льсти мне тут. Сейчас мобильный заряжу, и ты позвонишь маме. Скажешь, что пробудешь у меня минут пятнадцать. Мне спать надо.

– Я не лъщу, честно-честно! – воскликнула она, снимая шапку-медвежонка.

Я уселась на стул и бросила взгляд на кровать, заляпанное окно и покрывало бабы Клавы, в котором ее кот продрал дыру.

– Что именно красивого?

– Вот это! – Лиля показала на стены. Заметила, значит. Ну, она не единственная. Правда, «красиво!» я еще ни разу не слышала. «Прикольно», «ржачно», «зачётно», «круть» – так говорят про мои стены, залепленные мемами из «ВКонтакте» и с других сайтов. Некоторые распечатывала, некоторые перерисовывала. Все приклеивала скотчем.

Тут были мемы на любой вкус. Больше всего я любила сморщенную от радости или горя рожицу и смешную подпись. Что-то вроде: «Как ни крути, но лучший шкаф для одежды – это стул». Или: «До уборки все валялось на своих местах, а после уборки все стало аккуратно лежать непонятно где». Была у меня и девица, заламывающая руки под надписью: «Люди, ну сколько можно повторять: мне еще рано замуж!» Был и хмурый котик с синяками под глазами и табличкой в лапках: «Недоброе утро». Была просто фотография наушников с подписью: «Петь в наушниках восхитительно: не слышишь своего голоса и думаешь, что у тебя есть талант».

– А вот тут ошибка! – сказала она вдруг, указывая на одну из картинок, мою любимую. – Запятой не хватает! Видите? Перед «так»?

На картинке был изображен кот с огромными глазами, и подписано: «Ты спросишь, что я люблю больше – тебя или борщ? Я отвечу, что борщ. И ты уйдешь так и не узнав... что со сметанкой!»

Я рывком поднялась с кровати. Протянула руку и сдернула картинку. Смяла, швырнула в сетчатую урну под столом.

– Почему выкинули? – расстроилась Лиля. – Жалко...

– Дело не в тебе, – сказала я, снова присаживаясь.

Я оглядела свою «берлогу». Еще вчера я смеялась над этими мемами. Над «борщом» вообще хохотала, перепостила его, разослала эсэмэской всем, кому могла. Еще вчера мне казалось, что я отлично придумала: заклеить сиротские обои смешными картинками, показать, что мне плевать на обстановку, что мне смешно живется, что у меня есть всё: классная работа, классный парень.

Но сегодня я смотрела на свою стену и думала: «Ну и лажа!..» Мемы казались мне жалкой попыткой прикрыть действительность. И теперь действительность прорывала яркие картинки, щелкала меня по носу скомканными листками и показывала: если кто и смешной, то это ты – дурацкая девочка с дурацким именем.

Я закрыла лицо руками.

– Ну что вы! – воскликнула Лиля. – Так нельзя! Обижаться! Я, например, никогда не обижаюсь на маму, даже если... В общем, это же пустяк. Тут просто надо было подрисовать запятую. Маркером. У вас есть маркер?

Я отняла руки от лица, подперла кулаками подбородок. Она тем временем присела на корточки, нагнулась и, поправив съехавшую косу, вытащила из урны мой листок. Потом распрямилась, осмотрела стол и тут же воскликнула:

– Ой! Как круто! Это вы сами придумали? Правда? Ой, ну какая замечательная идея!

Не успела я сказать, что так и есть, я придумала сама купить в спортивном два десятка пластиковых теннисных шариков и на каждом нарисовать рожицу: с веселой улыбкой, с грустными глазками, с раскрытым от хохота ртом, с красными от смущения щеками, как она снова воскликнула:

– А миска какая красивая! А ластики! Вы сами таких животных вырезали? Ножиком? Ой, а бабочку вы тоже сами придумали? Это квиллинг называется? Я один раз попробовала, но у меня ничего не вышло. А блокнотики какие миленькие!

Она так искренне восхищалась, что я на секунду увидела мой письменный стол ее глазами. Бывает же так: ты привык к своему жилищу и тебя уже ничего в нем не восхищает, а кто-то придет, похвалит какую-нибудь ерунду, вроде веточек ивы в стаканчике из-под йогурта на подоконнике, и ты думаешь: а и правда, здорово я придумал. Так и я – увидела на своем столе миллион прикольных штук, и на секунду они снова подняли мне настроение, как в те времена, когда они только появились в моей квартире.

А Лиля неумоимо расхваливала каждый предмет, пока не дошла до зарядного устройства, которое я разрисовала замазкой, и не ойкнула. Я сначала не поняла, почему она ойкает, а потом до меня дошло, и я засмеялась первый раз за день и сказала:

– Ну все, попалась. Звони давай. Скоро семь. Не спит твоя мама.

Лиля покорно взяла протянутый мобильный, который успел зарядиться.

– Алло, мамуля! Нет, я не дома. Я на секундочку забежала во второй подъезд к Наташке перед уроками. Понимаешь, у нас сегодня презентация одного проекта. Мы вчера решили все сделать в стиле оригами, а пару бабочек не успели сложить. Да, прости, мне просто очень жалко было тебя будить. Я знаю, да, прости. Ну мне немножко осталось, вот еще одну бабочку и цикаду, я быстро, ладно? Я к девяти приду. Да, мне ко второму сегодня. Вот как раз проект надо подготовить. Да, прости, в следующий раз предупрежу заранее.

Когда она закончила разговор, я присвистнула.

– «Ну ты горазд пули лить!» – процитировала я Кроша из «Смешариков», а она закусила губу и отвернулась. – Я прям не ожидала, что ты так виртуозно врешь! Думала, что ты начнешь сейчас бекать-мекать, а мама твоя будет тебя пытаться и догадываться. А ты прямо как по писаному. Оригами еще приплела. Класс!

– Оригами – это правда! – вспыхнула она. – Я хорошо оригами складываю!

Она потянула носом.

– Не шмыгай, – мрачно велела я. – Салфетки на подоконнике. Не для оригами, для носа!

– Вы прямо как моя мама!

Меня это сравнение слегка разозлило. Прячется в моей «берлоге» от мамыши и меня же с ней сравнивает! Но сил ее поучать у меня уже не было, поэтому я просто сунула ей коробку салфеток («Ой, какая приколенькая! С Angry Birds! Где вы такую купили?»), повалилась на кровать и, нащупав подушку, подсунула ее под голову.

Я плохо помню, как мы провели следующий час. Кажется, она собирала фигурки из бумаги, пытаясь доказать, что она «не все наврала». Как будто бумажная ящерица отменяла ее уверенный тон и фразы без пауз. «Алло, мамуля! Я на секундочку забежала к Наташке!»

Еще она снова восторгалась моими штуками, особенно коллекцией мягких игрушек. Серёня дружил с художницей, которая делала мягких зайцев с большими серьезными глазами и нестрашных зеленых и фиолетовых монстриков, и на каждый праздник я получала нового «друга». Я иногда проваливалась в дрему, а иногда выплывала и что-то отвечала ей. Кажется, диктовала какие-то цифры. То ли дату рождения, то ли номер телефона своего. Что-то ей там нужно было от меня, и я сдалась, лишь бы отвязалась. Помню точно, что не имя свое.

В девять утра слова у меня кончились, мысли тоже, веки были как намагниченные, так что я просто молча встала и вышла в прихожую. Там посмотрела на себя в зеркало. «Зеленая, как щавель», – сказала бы про меня мама. А Лиля застряла в комнате. Я вставила в дверь ключ и провернула намеренно резко, с грохотом, чтобы девочка поняла намек. Лили по-прежнему не было, зато засветилась щель между баби-Клавиной дверью и полом.

– Ну, ты скоро? – раздраженно спросила я. – Ошибки, что ли, в мемах ищешь?

– Простите...

Она появилась в прихожей, шмыгнула носом, сделала бровки домиком.

– Эти штучки оставь для мамы, – предупредила я. – Мне на работу к двенадцати.

Лили кивнула, вышла из квартиры, обернулась и помахала рукой, но я вышла за ней.

– Иди.

– Да я дойду, тут всего два этажа.

Я прикрыла глаза, склонила голову набок и скрестила руки на груди. Когда слышались ее легкие шаги, я открыла глаза, а когда услышала: «Ну наконец-то! Лиль, ну ты соображаешь, в школу пора», то, не дослушав, вернулась и хлопнула дверью.

У себя в комнате, растянувшись на кровати, я увидела, что сделала Лилька, – прицепила всех зверей, которых подарил мне Серёня, к бортику моей кровати: кого-то – за передние лапы, кого-то за шею. Но теперь они все таращились на меня, словно видели в первый раз. Я фыркнула, и мне вдруг стало уютно, как дома у мамы. Я натянула одеяло до самого носа и отрубилась.

Меня разбудил грохот кастрюль. Судя по запаху, баба Клава уже занялась своим мелким бизнесом. Я представила, как вхожу в кухню, а она следит за мной водянистыми, цвета сыворопки, глазами, а в кислом воздухе висит вопрос: «Возьми творожку-то хоть грамм сто, помоги старухе, а?»

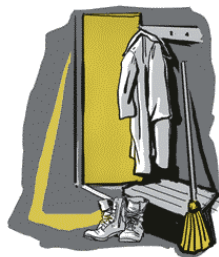
Я открыла глаза и на секунду увидела квартиру Серёни, которую он снимал в центре, залитую светом, с книжным шкафом, где однажды я нашла «Карлсона...», сдула пыль и читала, читала, читала всю ночь. Смеялась. Вспомнила его квартирную хозяйку, в платке с надписью «Венеция» и в пальто какого-то скромного цвета. Она всегда приходила по звонку и очень

долго извинялась за что-то, прежде чем взять у Серёни деньги. Потом вспомнила Серёнины руки и его мокрую от моих слёз куртку и заплакала.

Звери глазели на меня, но от душевной боли по телику рекламируют успокоительное, а не вытаращенные глаза и мягкие лапы зайцев и монстриков.

Глава четвертая

Ревизор

В нашем районе много разных мест, где можно потусоваться: есть и боулинг, есть и рестораны на любой вкус – и с японской кухней, и с итальянской. Есть и кафешки: попроще – на фуд-корте торгового центра, покрасивее – рядом с тем же центром. Но я считаю, что самый лучший кофе в нашем районе варят за скромной стеклянной дверью заведения, расположенного между аптекой и сберкассой. Наверное, я так думаю потому, что пять дней в неделю этот кофе варю там я.

Я – бариста, кофейных дел мастер. Я разбираюсь в кофе, знаю все о зернах, о помоле, об ароматах и, конечно, умею варить его. А также правильно подавать и, что восхищает моих друзей больше всего, рисовать на поверхности напитка разные узоры: сердечки, листики, следы лапок и даже мордочки животных. Сами кофе-мейкеры относятся к латте-арту спокойно, то есть когда мы пьем кофе дома, то ничего себе на поверхности кофе не рисуем. Для нас важнее другое – сложный аромат кофе, вкус и послевкусие. Но на посетителей эти штучки действуют. Каждый раз, когда я рисую на капучино цветок или рожицу, слышу восторженное «ах!», и это приятно.

Вообще умение добавить правильное количество молочной пены в макиато и отличить на вкус марагоджип из Бразилии от такиры из Венесуэлы – это далеко не все, что должен уметь бариста. Контакт с людьми – вот на что я посоветовала бы сделать упор тем, кто гуглит «как стать баристой» и копит деньги на питерский Институт кофе и чая. Человек приходит за настроением, и ты обязан сделать все, чтобы оно стало отличным. Бариста должен улыбаться, даже если ему в сотый раз за день приходится объяснять, чем отличается капучино от американо и какое молоко добавляется в топлёный кортадо («Топлёное! Тадам!»).

Мне вообще кажется, что наша профессия закаляет характер. Ты должен всегда быть на высоте и в хорошем настроении, что бы ни происходило в твоей личной жизни.

Так что сегодня я шла на работу с надеждой, что черед дел поможет мне выбраться из болота, в которое я попала благодаря своему несдержанному языку.

Еще хотелось поговорить с Липатовой. Вряд ли я услышала бы от нее какой-то дельный совет: все свои проблемы, как и проблемы других, я привыкла решать сама, но мне нужно было с кем-то проговорить вчерашний день.

Я подошла к кофейне, взялась за ручку двери и вздрогнула: соединив ладони домиком надо лбом, у двери стояла Зарина и кого-то выглядывала.

– Мать, ты чего?! – возмутилась я, открывая дверь. – Зачем людей пугаешь? А стулья почему на столах? Зарин, что с тобой?

Заринка работала в кофейне месяц. До этого трудилась в «Сбарро» на фуд-корте, грела пиццу в огромной железной печке. У нас она моет посуду, протирает пол и пыль, забирает со

столиков грязные чашки, а в свободное время восторгается, как у нас в кафе круто. Потому что на фуд-корте она стояла за стойкой одна-одинешенька, а нас тут много, и, самое главное, мы все – одна команда, и у нас нет такого: раз ты уборщица, так и убирай грязные тарелки. У нас даже администратор может и посуду со стола забрать, и заказ на кофе принять. И мы, бариста, тоже, конечно, и посуду моем, и пол протираем, если кто-то что-то разлил, а Зарина не заметила. В общем, у нас демократия, и Зарина чаще всего улыбалась во весь рот, сверкая золотыми зубами (это, конечно, в ней поражает: молодая, чуть старше меня, а верхняя челюсть – вся из золота), а сегодня встретила меня не улыбкой, а испуганной гримаской.

Ладно – Зарина, но и Лёвка-бариста, который сегодня открывал кофейню, тоже выглядел растерянным, что уж совсем, как говорится, выходило за рамки.

– У вас обоих такой вид, будто у нас все молоко прокисло, – заметила я, развязывая на ходу шарф. – Или у нас в подсобке грабитель? Решил спереть то пальто, которое висит уже с сентября?

Лёвка слабо улыбнулся и, оглядываясь на папу с дочкой, которые завтракали за столиком в углу, пояснил шепотом, что приходил «какой-то дядька, представительный, явно из какой-то официальной организации» и, строго глядя на Лёвку, требовал менеджера.

– Она не на тебя, она на меня смотрел, – шепотом повторила Зарина, опираясь на швабру, – она на меня точно смотрел.

Ее карие глаза заблестели. До меня дошло: Лёвка бежит от военкомата, а у Зарины что-то с регистрацией. Вот почему они так разволновались.

– Вон она, на улице гуляет туда-сюда, – указала Зарина.

– Не, ребят, так нельзя, – покачала я головой, – держите себя в руках, что ли.

Я нырнула в подсобку, скинула куртку, натянула футболку с надписью: «Какой кофе желаете? Только скажите!», завязала фартук, вымыла руки и вернулась в зал. Улыбаясь, подошла к папе с дочкой и сняла с соседнего стола перевернутый стул. Глянула за окно, на дядьку, который прогуливался перед витриной. Подумала и вышла на улицу.

– Добрый день! – радостно сказала я ему. – Мы можем вас угостить?

Он удивленно поднял брови, а потом пожал плечами и все-таки зашел.

Я усадила его в кресло так, чтобы ему было видно телевизор, сделала Лёвке знак: показала два пальца, повернутые вбок, – это был сигнал: «один капучино».

– Сейчас я найду пульт, – улыбнулась я дядьке и вернулась к Лёвке за стойку.

– Ты с ума сошла! – прошипел он.

Пачка молока в его руках так и прыгала.

– Дай пульт, – спокойно сказала я. – Вон справа, за микроволновкой.

Зарины в зале не было: наверное, уже умчалась в подсобку. Я забрала у Лёвки капучино, на миг прикоснувшись к его ледяным пальцам, и, хотя у нас было самообслуживание, отнесла кофе дядьке. Включила телевизор и пожелала приятного отдыха. Обернулась и увидела, что Лёвку тоже сдуло ветром в подсобку. Я разозлилась: так и будем бояться всего на свете? А работать кто будет? Поразмыслила и направилась к дядьке.

Через пару минут я ввалилась в подсобку, еле дыша от смеха. Заринка взвизгнула и спряталась под тем самым черным пальто, что висело у нас с осени, а Лёвка мрачно поглядел на меня.

– Дураки! – смеялась я. – Донкихоты! Боретесь с ветряными мельницами! Это салфетки!

– Какие салфетки? – не понял Лёвка.

– Дядька ваш! Салфетки принес! Полотенца бумажные! И туалетную бумагу! А вы – прямо зайчики-побегайки!

Лёвкино лицо расплылось в улыбке, а Заринка выглянула из-под пальто, и правда похожая на зайца в кустах. И мы засмеялись уже все вместе.

– Военкомат, регистрация!.. – веселилась я. – Слушайте, так нельзя – жить в вечном страхе! Расслабьтесь! Прекратите носиться со своими тараканами!

– Посмотрел бы я на тебя, если бы за тобой гонялся такой таракан! – обиженно сказал Лёвка, поднимаясь и приглаживая волнистые волосы. – А выражение про «ветряные мельницы» не употребляется в таком контексте.

– Ой, ой, ой, какие мы ученые! – усмехнулась я. – Ну простите, мы умных книжек не читаем, в литературный институт, как некоторые, не метим. Нам бы кофеёк хороший сварить – вот и все запросы.

– А зря не метишь, – сказал Лёвка и распахнул дверь.

Послышался громкий хохот дядьки, которому я включила «Тома и Джерри».

Глава пятая

Бег с препятствиями

Дверь за Лёвкой захлопнулась, а я призадумалась. Его слова кольнули больное место. Я действительно не собиралась никуда поступать, по крайней мере пока. Меня вполне устраивала профессия бариста, которую я получила после школы на курсах и в которой я уже два года. И маму мою устраивала. Она меня никогда не пилила за то, что я не пошла вышку получать. Ну а что? Книжки я читаю. Вот Эриха Фромма, например, вчера купила. Правда, он какую-то муть пишет, но я в целом понимаю. Так что я умный человек, зачем мне высшее образование?

Снова послышался хохот дядьки – это выскользнула Зарина. Воцарилась тишина, а я все размышляла.

Почему меня всегда спрашивают: вот ты работаешь бариста, но при этом учишься же где-то? Причем с такой уверенностью спрашивают, аж тошнит. Я сразу отвечаю резко, что буду кофе до старости варить, но все равно обижаюсь слегка. Чем не профессия, я не пойму? Не каждый сможет, между прочим. Что же меня задевает в таких вопросах?..

Додумать важную мысль я не успела: явилась Лариса Липатова собственной персоной.

– Только не говори про то, что опоздала на электричку.

– Я опоздала на электричку.

Мы произнесли с ней свои фразы одновременно, а потом я засмеялась, а она – нет.

Обычно Лариска бодро завязывает узлом свои фиолетовые дреды и травит какие-то байки про утреннюю поездку в электричке. Сегодня мы открылись позже. Накануне у нас до ночи праздновался день рождения, так что Ларискин приезд на электричке не был подвигом, но обычно то, что она припирается к восьми утра и шутит, меня восхищает. Еще я люблю Лариску за внимание к людям. Она помнит подробности из жизни клиентов и всегда готова сказать что-то милое, вроде: «Как вы загорели! Хорошо отдохнули в Испании?» Мы с Лариской из одного города. Учились тоже в одной школе, только она меня младше на год. Лариска живет с родителями, не хочет тратить деньги на съем квартиры в Москве. На учебу копит.

Сегодня у Лариски было несчастное выражение лица.

«Что за день?!» – удивилась я и спросила:

– Отчего, мой друг, невесел, отчего ты нос повесил?

Вместо ответа Лариска повернулась спиной. Я ойкнула: на спине виднелись две ровные зеленые полосы.

– Скамейка?!

– Угу. На станции. Я бежала, но все равно не успела. Присела вот отдохнуть... Кто просил?! – в отчаянии выпалила Лариска.

– М-да-а... – протянула я. – Давай погуглю, может, есть какой-то способ.

Я достала телефон, но Лариска горестно покачала головой.

– Я уже смотрела. Там пятновыводитель нужен, а где я его возьму?... Или жидкость для снятия лака без ацетона.

– Можно у Заринки спросить...

– Нет, я боюсь. Даже если в ней нет ацетона, все равно. Не хочу в куртке дырку протереть.

– Я все равно посмотрю. – Я провела пальцем по экрану, снимая блокировку.

Вздрыгнула: на экране – конвертик. Сообщение от Серёни. Я сжала зубы, но все-таки открыла.

«Прости».

– Супер! – выдавила я.

– Нашла? – обрадовалась Лариска.

Я покачала головой.

– Самое обидное, что только одна скамейка была покрашена, – вздохнула Лариска. – Прикинь? Самая крайняя! И чего меня к ней понесло? А?

– Слушай, – сказала я, – тут один способ описан. Маслом подсолнечным. Я вспомнила: у меня так мама делала. Я в детстве на качелях весной качалась, перепачкала краской комбез. Она оттерла. Маслом подсолнечным.

– А жирное пятно не останется? – с сомнением спросила Лариска.

– Не знаю... – призналась я. – Ну что, попробуем? Мне кажется, у нас осталось несколько упаковок подсолнечного масла с тех времен, когда в меню были салаты. Только потом надо сразу застирать будет. Тут написано на каком-то форуме.

Дверь распахнулась, заглянул Лёвка.

– Галь, там спрашивают кофе в зернах!

– Ну так отвесь.

– Они просят помолоть, – виновато сказал Лёвка, – под гейзерную, но какую-то особую.

– Сейчас приду, – кивнула я.

– А дело вообще не в этом, – вдруг сказала Лариска, – а в том, что я не знаю, что мне с Вовчиком делать.

– А что с ним?

– Он меня достал, если честно. Прикинь, он анекдоты рассказывает. Про пирсинг.

– Например?

– «Знаешь, дорогая, зря мы запрещали нашей дочери вставлять кольцо в нос. Теперь поднимать ее в школу стало гораздо проще». Прикинь? И ржет. – Лариска потрогала кольцо в носу и шмыгнула.

Я вспомнила Лильку.

«Интересно, – подумала я, – до нее дошло, какая опасная история могла с ней приключиться, если бы я оставила ее в сквере? Или все проехало мимо нее, вообще никаким боком не затронув? Есть такие – живут слегка параллельно, и ничего, спасает их жизнь. Я в ее годы была умнее».

– «...А то сядет криво», – в возмущении процитировала Лариска. – И опять ржет. Нормально это?!

– Что? – очнулась я. – А-а, нет, конечно. Слушай, ну скажи ему, что достал.

– Я не могу, – потупилась она.

Теперь мои мысли переключились на Лариску. Вот человек! Волосы выкрасил фиолетовым. В одном ухе три сережки, в другом – девять! В носу колечко, на руках татушки. Все, кто с ней незнаком, думают: «Ну, брутальная деваха!» А она нежнее пиона. Как-то рассказывала мне, что ехала из нашего Пушкина в электричке и какой-то дядька у нее на ноге стоял всю дорогу. А она даже не сказала ему об этом! Весь день хромала потом.

– Знаешь, – вдруг сообразила я, – а ты ему скажи, что ты к нему испытываешь чувства только как к брату. Он и не обидится. Это же правда. Ты же не виновата в этом. И звучит нормально.

– О-о, – расширила глаза Лариска, – а ты права! А я не догадалась! Ой, Галёк! Спасибо! Дверь открылась, Лёвка просунул голову.

– Ну Га-аль, что лучше выставить – семерку или тройку?

– Да иду, иду! – проворчала я. – Что бы вы все без меня делали?

– Не знаю, – честно ответил Лёвка, что вообще-то было приятно.

Я вышла из подсобки, улыбнулась клиентке, невысокой стриженной блондинке в трикотажном платье со смешными совами, и занялась зернами кофе. Минут десять спустя к нам присоединилась сияющая Лариска.

– Получилось! – прошептала она. – Маслом оттереть пятна! Я сразу застирала, как ты и сказала.

Я засыпала кофе в «молотилку», нажала на кнопку.

– Галь, ты все-таки крутая! – с восторгом добавила Лариска, перекикивая грохот аппарата. – У тебя все проблемы на раз-два решаются.

– Все, кроме своих, – пробормотала я, выключив аппарат.

– Что? – переспросила Лариска.

Но я сначала пересыпала помолотый кофе в бумажный мешочек, написала название, не забыв в конце поставить «смайлик», завернула пакетик так, чтобы аромат не просочился наружу, закрепила его золотой провололочкой. Вручив кофе клиентке, я взяла у нее деньги, пожелала хорошего дня и только потом развернулась к Лариске, которая в это время ставила в микроволновку тарелку с вишневым штруделем.

– Он отказался, – сообщила я.

– От чего? – не поняла Лариска и тут же в ужасе прикрыла рот рукой. – Погоди... ты же вчера собиралась... Да ты что?! Быть не может!

– Может. В общем, урок тебе, Липатова, на будущее. Не стоит в этих делах ориентироваться на историю о Магомете и горе.

– Ну погоди! – умоляюще сказала Лариска. – Расскажи, как это вышло. Вы пришли в клуб?..

– Да, мы пришли, – начала я, но тут из моего кармана запел Пенни Кравиц: «I want to get away! I want to fly away!...»

Я даже не сразу услышала – специально ставила на звонок песню, чтобы, если во время работы зазвонит, не слишком привлекал внимание гостей, сливаясь с музыкой, которая звучит у нас в кафе фоном. А когда услышала – психанула. А если Серёня?

Номер был незнакомый.

– Алло? – с опаской произнесла я.

– Галя... – Голос тоже был незнакомый. – Извините меня... У меня, наверное, странный вопрос... Я прошу прощения... У вас есть лишний... э-э-э... бюст... бюстгальтер?

– Что?! – опешила я. – Кто это?!

В трубке шмыгнули.

– Лиля?! Ты откуда мой номер взяла?

– Вы же сами дали...

– А имя?

– Вы же сами...

– Что – сама?!

– Сами сказали, что ваше имя по-латински означает «курица»... Ну... я и посмотрела в гугл-словаре...

– Ширли Холмс, – мрачно сказала я, – да, ты меня вычислила. Всё, отбой. Хорошо баловаться, я на работе.

Я сунула телефон в карман.

– Кто это? – спросила Лариска, распахивая микроволновку и доставая оттуда штрудель.

У меня забурчало в животе от запаха вишни и ванильного сиропа, которым Лариска щедро полила штрудель.

– Девчонка одна, – отмахнулась я, сглатывая слюну. – Короче, мы пришли в клуб. Я волновалась, конечно. Он вроде нет. Хотя помнил, что у нас юбилей с ним. Подарил кольцо. Такое модное, типа из серебра. Очень простое. Ну я и решила, что это знак. Точно, знак. И говорю ему...

«I want to get away! I want to fly away!...»

Я нажала на кнопку «отбой».

– Я говорю ему: «Серёнь... давай, может...» А потом спохватилась, что будет как в программе «Давай поженимся!». Стала по-другому фразу строить. Начала подводить: мы, типа, встречаемся сто лет. И в Москве уже не первый год. Давай, может..

«I want to get away!...»

– Да что это! – прорычала я. – Не разговор, а бег с препятствиями!

– Ответь, – предложила Лариска, – а я пока молочный улун заварю молодому человеку. Парень, напоминавший Фродо из «Властелина колец», покосился на меня с опаской.

– Ну чего тебе? – процедила я в трубку.

– Галя, – громко прошептала Лилька, – вы только не бросайте трубку! Я не шучу. Мне правда очень-очень нужен лифчик. У вас... просто... нету запасного?

– Зачем тебе? – обалдело спросила я. – Почему ты мне звонишь, а не маме?

– Я не могу... – всхлипнула Лилька. – Она... она на работе занята. А мне надо как-то из школы выйти.

– А что, без лифчика не выпускают? – фыркнула я, и «Фродо» еще больше на меня вытаращился.

Я отвернулась к огромным стеклянным банкам, стоявшим на витрине, в которых хранились кофейные зерна.

– Нет, – сказала Лилька отчетливо, – они сказали: если я не покажу, что он у меня есть, то они меня не выпустят из школы.

– Кто – они? – спросила я, чувствуя, что у меня начинает сосать под ложечкой от неприятного ощущения под названием «придется идти и разбираться».

– Ну, девочки.

– Ну покажи им!

– Я не могу! У меня его нет!

– У-у! – взвыла я. – Ладно. Слышишь? Я сейчас приду.

– Принесете лифчик? – обрадовалась Лиля.

– Нет. Просто скажу этим твоим дурам...

– Тогда не надо, – перебила меня Лилька. – Извините, что побеспокоила. Простите. Правда, не надо. Честно.

И повесила трубку. Вот ведь, а!

«Ну и прекрасно!» – сказала я «Молочному этюду», чьи зерна хитро поблескивали при свете лампы дневного света.

– И что? – спросила Лариска за моей спиной.

– Ты про что? А, ну да... И я ему говорю: «Давай мы будем жить вместе?» Он как-то неуверенно кивнул. Надо было мне остановиться. Но меня ж несло! Как тебя – на твою крашеную скамейку. Я добавила: «Только ты ж моего папу знаешь. Он мне в жизни не разрешит, если мы не оформим... ну...»

– Ой, мамочки!..

Этот бабий вздох совсем не вязался с Ларискиными фиолетовыми волосами, но в этом была она вся. Сочувствовала умеючи.

– Ну, в общем, он тут отвернулся и сказал, что не готов. Что хочется профессию освоить, разобраться с жильем... Дальше не помню. А-а, Настьку еще приплел!

– Племянницу?

– Ну да. Говорит, жениться надо, когда детей хочешь завести. А он еще не готов, мол. Мол, Настька ему весь мозг выедает, когда сестра ему ее подкидывает.

– А ты готова, что ли, к детям?

– Я – да, – уверенно сказала я, – конечно! Ну а что толку теперь?.. Я разревелась, как идиотка. Мы на улицу вышли, а я все плакала. Всю куртку ему слезами залила. А он все как дурак: «прости» да «прости». Я разозлилась в конце концов. Пихнула его в грудь и сказала: «Ну и вали!» Он говорит: «А ты?» Я говорю: «А я пойду танцевать. Может, себе мужа натанцую».

– И правда пошла?

– Ага. А он правда свалил. Я в клубе до утра протусила. Потом домой поехала.

Я вспомнила про «медведя», но не стала рассказывать о нем Лариске.

– Бедная ты, бедная!.. – вздохнула Лариска и погладила меня по руке. – Вы со скольких лет вместе?

– С тринадцати, – буркнула я. – Можешь себе представить? В одном классе, в одном доме. Родители дружат. В Москву вместе поехали. Он, кстати, хотел со мной вместе квартиру снять. Да все папа. Мол, пока не поженитесь, не смейте! Он и так все время выговаривал мне, что мы не должны друг у друга ночевать оставаться. И что вот теперь?

– Ну а что бы это изменило? – грустно сказала Лариска и принялась говорить те банальности, которые подруги всегда говорят друг другу в качестве поддержки.

Обычно такие слова очень скучно читать в книгах или слышать в кино, но когда их произносят вживую в нужный момент, они попадают прямо в сердце, и ты начинаешь задумываться, что «жизнь на этом не кончается» и «все у тебя впереди».

Правда, у меня сейчас не выстрелило. Почему-то мои мысли крутились не вокруг разрыва с Серёней, а вокруг Лильки, которая там сидит, наверное, скрючившись у батареи, и боится выйти на улицу. Видимо, это потому, что с Серёней дело было решено, а с Лилькой – открыто. А может, я просто слегка в шоке от Серёниного «сюрприза» и до меня по-настоящему не дошло, что меня бросили, предали, подвели и обломали. Не знаю. Как бы то ни было, я все думала, что эта балдища так до ночи и проторчит в школе. Голодная небось. Как я.

– Ларис, – сказала я неуверенно, – я отбегу на полчаса, ладно? Продержитесь тут без меня?

Глава шестая

Школа

На выходе я столкнулась со своей клиенткой. У каждого из нас есть такие. Трудно сказать, почему между бариста и клиентом возникает симпатия. Лёвка вот нравится людям своей застенчивостью и повышенной лохматостью. Его обожает одна студентка-ботанша, которая всегда занимает столик напротив стойки, раскладывает перед собой учебники, но таращится не на них, а на Лёвку. Он в принципе мог бы впарить ей что угодно: хоть термокружку за триста рублей, хоть полкило дорожущего молотого кофе. Она все возьмет не глядя да еще и сдачу забудет. Но он не может – застенчивый же.

У Лариски свои отношения с мамашками, особенно с одной, многодетной. Обычно у нее один в коляске, другой под мышкой, третий тычет ручкой во все сразу пирожные на витрине. Как правило, эта мамашка покупает себе мегакапучино или мегараф в бумажном стакане и, извиняюще улыбаясь, толкает коляску к выходу. Мы все смотрим ей вслед, и у нас теплеет внутри, словно мы отхлебнули от ее мегарафа, потому что знаем, что как бы глупо ни выглядел в наших широтах теплый стаканчик, ароматно пахнущий кофе и ванилью, он вполне скрашивает прогулку под морсящим дождем.

Но когда эта мамашка решает вдруг не прогуливать свою милую компанию под дождем, а остаться с нами в тепле и компания разбредается по всему кафе, на искреннее сочувствие и терпение способна только Лариска.

Она следит, чтобы дети не мешали другим клиентам, подает мелки, вытирает сопли, если кто-то чихнул, и спокойно выслушивает рассказы про то, какие «новые драки папа загрузит завтра на айпад, если я себя буду хорошо в садике вести» и с какой «огромной Хеллоу Китти я играю у бабушки, когда приезжаю к ней погостить». Так что обычно мы ожидаем эту мамашку в Лариски ну смену.

Моя клиентка не из таких. Она писательница.

Вообще у нас две писательницы. Как я узнала об этом? Да очень просто. Однажды в кафе вырубили Wi-Fi, и все выключили свои ноуты и планшеты и, допив кофе, ушли. Остались только эти две. Ну и пару раз до меня долетали разговоры обеих по телефону: «У меня вышла книжка! Видела?»

Первая меня особенно не интересует. Она все время одинаково одета – в джинсы и синюю толстовку, одинаково причесана и занимает одно и то же место – практически у туалета. Думаю, любит одиночество и все время витает в облаках. Мне кажется, она сочиняет любовные романы, – у нее все время затуманен взгляд. Когда она подходит к стойке и разглядывает стену за моей спиной, на которой написано мелом наше меню, то явно при этом думает о той истории, от которой оторвалась ради кофе, а выбор ее напитка определенно зависит от того, как он называется. Я вижу по ее лицу, что она тащится просто от сочетания звуков, когда произносит: «Карамельный глясе со взбитыми сливками, пожалуйста».

«Моя» писательница другая. Во-первых, она модно одевается, каждый раз продумывает «луки». Меняет прическу, ногти у нее всегда покрашены, не то что у первой. В самом деле, приятно же смотреть на ухоженного человека. Вот, казалось бы, мелочь – в сыкотную погоду ее джинсы всегда заправлены в сапоги, в отличие от джинсов первой писательницы, которые, как и кроссовки, всю зиму гордо носили следы соли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.